
Собрание сочинений в трех томах. Т. 3. М., Терра, 1994.
OCR Бычков М.Н.

I

Отворилась высокая белая дверь, и сиделка ввела нового больного.

Запахивая полосатый халат, твердым, даже стремительным шагом больной вошел в палату и быстро огляделся, спокойно поворачивая голову на длинной, голой в широком вырезе халата, точно железной шее. Эта длинная негнувшаяся шея и чрезмерно блестящие, с выражением страшного напряжения глаза производили странное и даже жуткое впечатление.

С усталым и равнодушным лицом сиделка подвела его к узкой, похожей на все остальные, кровати и сказала равнодушным голосом, в котором, казалось, не было звуков, как в голосе судьбы:

- Вот тут вы и будете жить пока.

Больной дико повел своими страшными глазами, стремительно шагнул и сел на кровать, продолжая оглядываться кругом с таким видом, как будто властно проверял, все ли сделано так, как ему хочется, чтобы сейчас же приказать убрать то, что ему не нужно.

Голые стены высоко обступили его со всех сторон, ограждая взгляд. Белый и обширный потолок висел над головой и, против воли рождая мысль: что там, за этой холодной, мертвой преградой, и похожей и не похожей на тусклое небо осеннего дня?

Сначала больному показалось, что в палате слишком много людей; но гартон он разобрал, что их только четверо-пять, считая с ним, - и что кругом достаточно места, чтобы поместить еще много таких же кроватей, таких же столиков с убогим имуществом умирающих, таких же черных досочек с их короткими паспортами, таких же изуродованных страданием человеческих тел.

Ближе к окнам, лившим в пустынную холодную палату потоки белого света, лежали - мальчик с большими, точно вырезанными, наивными глазами и красивый, с лицом благородного римлянина, молодой человек, осматривавший нового больного немного любопытными, немного насмешливыми, добродушно-ироническими глазами. Рядом с ребенком на длинной узкой кровати сидел высокий худой старик с раздвоенной седой бородой, нависшими лохматыми бровями и огромными корявыми руками мужика. Он смотрел на нового больного острыми, сверлящими насквозь, как два бурава, глазками и держал свои громадные руки так, точно перед ним были плуг и необозримая, требующая работы земля.

Новый больной стремительно обежал их блестящим взглядом. Слишком пристально, точно, соображая - уничтожить или не уничтожить, осмотрел он ребенка, старика и ленивого красивого римлянина, потом напряженно уставился на четвертую кровать, на которой тупо и неподвижно возвышалась целая гора человеческого тела. Он смотрел долго, дико, как бы не совсем уясняя себе причину своего изумления, потом резко дернул железной шеей и отвернулся с гримасой судорожного отвращения.

Этот четвертый больной был самым несчастным из всех: огромное тусклое лицо его все было обезображено белыми рубцами и отвратительными язвами, кровоточащими, странно шевелящимися, точно в них уже при жизни поселились могильные черви. На жестком коричневом одеяле лежали его опухшие, с отвалившимися пальцами, никуда не годные руки, под одеялом горой возвышались похожие на бревна ноги, которым уже не суждено было ходить.

Все остальные еще казались живыми, обыкновенными людьми. И наивные вырезанные глаза мальчика, и красиво ленивый профиль благородного римлянина, и рабочие руки высокого старика не говорили о смерти. Даже трудно было представить себе, что они неизлечимо больны страшной болезнью и рано или поздно осуждены на безобразную мучительную смерть. Четвертый в своем обезображенном лице, в тусклых, тоскливо глядящих глазах, в куче своего разлагающегося тела был уже - сама смерть... Труп, вытасненный из могилы и кому-то на потеху брошенный посреди живых людей.

Новый больной упрямо сидел на своей кровати в той же позе, в которой застыл сразу, как будто отказываясь от всякого движения, в ненависти осужденного, говорящего своим палачам:

- Делайте, что делаете... я ничего не хочу!

Так сидел он очень долго. Сначала все больные были заинтересованы этим